

Ждать нельзя

Философ Денис Греков о самоубийственной жизни ждунов и о том, что мир надо чинить там, где можешь

Фото: Алексей Романов / Коммерсантъ

07:10, 31 января 2026,

Ирина Лукьянова

учитель, обозреватель «Новой»

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

А если все это никогда не кончится? Человеку свойственно строить планы на жизнь, исходя из того, что она рано или поздно войдет в норму. Но если дождаться невозможно, а ждать невыносимо, на каких основаниях строить свою жизнь? Об этом Ирина Лукьянова расспрашивает философа и политолога Дениса Грекова.

Денис Греков. Фото: соцсети

— Многие сейчас ждут, когда наконец наступит какая-то определенность. Но ничего не происходит, а мы превращаемся в грустных ждунов. Ждать становится все невыносимее, а мир продолжает сходить с ума. И вопрос уже не в том, как дождаться, когда он вернется к норме, а как строить стратегию своего дальнейшего существования с учетом того, что к норме-то он может и не вернуться.

— Здесь есть важный момент: ждать в принципе ничего нельзя, это сразу лишает нас инициативы. Если вы чего-то ждете — значит, вы ставите себя в зависимость от внешних обстоятельств и ждете, когда они сложатся. Так делать нельзя, потому что вы живете свою жизнь, и эта жизнь проживается независимо от того, что происходит снаружи. Иллюзия, что мы можем чего-то дождаться, — это нерабочий вариант: мы теряем субъектность, утрачиваем инициативу. Бесполезно ждать: это ничем не помогает.

— Поколение моих бабушки и дедушки, мне кажется, ясно понимало во время Великой Отечественной, что люди могут делать, что от них зависит. Дед был на фронте, бабушка была в тылу, работала агрономом в эвакуации, выращивала хлопок, растила ребенка. Они знали, что если будут делать «все для фронта, все для победы», то рано или поздно они победят, воссоединятся и будет какая-то мирная жизнь. И когда мы переживаем стихийные бедствия, мы понимаем, что ураган не вечен, что наводнение закончится, мы не всегда будем сидеть в подвале или на крыше, а рано или поздно выйдем (слезем) оттуда и будем разгребать завалы и заново строиться. А здесь кажется, что или ты на крыше будешь сидеть вечно, или надо отправляться вплавь, причем еще непонятно, вышла ли там из-под Всемирного потопа верхушка горы Арарат или ты просто выбьешься из сил и утонешь. Бедствие не закончится, победы ни в каком смысле не ожидается, смысла мы, может быть, на своем веку и не увидим. И на что тут дальше опираться?

— Есть статистическая нормальность. Как все происходит в реальности? Если бросать монетку, то примерно в 50% случаев выпадет орел, а в 50% — решка. Может, чуть больше в ту или другую сторону, но в целом вероятность 50 на 50 — это статистическая норма. И есть наше представление о нормальном: например, нормально, что нам немножечко везет и монетка падает так, как нам выгодно. Но вообще-то такой

нормальности не существует. Это просто наша привычка.

— Нам никто не обещал, что мы будем здоровыми и счастливыми?

— Да, как говорил Декарт, какие-то мнения овладевают мною просто в силу привычки. И это, мне кажется, важно понять. Люди очень часто ищут внешний смысл как способ придать смысл собственной жизни, собственной деятельности, собственному существованию. И часто находят: для кого-то это общественно полезная работа, для кого-то — участие в националистических формированиях, для других — еще какое-то сообщество. И это все как будто бы придает им ощущение того, что они участвуют в каком-то общем деле. Собственно, изначально такое общее дело называлось *res publica*, помните?

Но это ошибка: это я придаю смысл всему происходящему вокруг, а не оно мне.

Экзистенциально — собственная жизнь должна производить собственный смысл, именно поэтому я живу не как кто-то, а как я. Опору надо в себе искать.

— Многие люди в последние годы говорили об утрате не только смысла жизни, но и понимания себя: кто я такой, меня прежнего больше нет, нет прежней системы отношений. Предельно отчаянно: у меня теперь нет ни семьи, ни родины, ни профессии, ни страны, ни дома, ни работы, я вообще кто и зачем?

— Это как раз апелляция к внешним источникам смысла. Можно эту картину развернуть: у меня есть я — тот, кто осуществляет свой собственный смысл жизни сам,

перформативно. И мне не нужно оправдание ни для чего: ни для того, чтобы лежать на диване, ни для того, чтобы заниматься полезной работой для общества. Я делаю это, потому что это проявляет меня как того, кто есть, проявляет меня в бытии. Я реализую таким образом собственное «я», оно становится реальным. Если я хочу принести пользу обществу, я иду и приношу. Не потому, что это придает моей жизни смысл, а потому что я так сам делаю свой смысл.

И поэтому, как БГ* пел, «мне не нужно ни пушек, ни войска, и родная страна не нужна». Почему? Потому что я сам себе и пушки, и войско, и родная страна. Потому что смысл моей жизни делаю я сам — так, как я считаю нужным. И это не эгоцентризм, это не эгоизм или нарциссизм в патологической форме. Это вся экзистенциальная составляющая моего «я», это моя ответственность, это моя сфера контроля. Если я хочу птичек зимой кормить, я буду делать это и буду в этом находить смысл реализации себя — например, как того, кто любит природу. И это нормально.

Фото: Юрий Самодуров / Коммерсантъ

— То есть мы отталкиваемся от того, что мы любим? И так начинаем собирать себя с нуля? Человеку вообще тяжело собраться, когда у него не осталось сил и смыслов, он лежит и предается старой доброй обломовщине, которую нынче модно называть бедроттингом. Просто нет смысла вставать с кровати. И внутренний смысл тут тоже с трудом обнаруживается. Что ты любишь? Я люблю лежать в кровати.

— Люблю спать, а почему нет? Спи. Выспишься — полюбишь что-нибудь другое. Люди же постоянно от себя требуют чего-то. Причем это требование порождено не ими, а порождено, как сказал бы Лакан, «Большим Другим». Вот я должен встать и идти. Куда идти? Зачем идти?

Ну ты себя-то помнишь? Такой рефлексивный провал случается, когда человек начинает, опять же, осмыслять свою жизнь через внешнее, отождествляться с внешним, он теряет мышление о себе. Куда бежать, зачем, как это выражает смысл твоей собственной жизни? Поэтому и спать хочется, потому что сон — это единственное здоровое занятие при таких условиях. «Сначала маску на себя, потом на ребенка» — это универсальный принцип. Когда я еще занимался поисково-спасательным волонтерством, это первое, что я усвоил: ты никому не поможешь, если ты сам в опасности, если у тебя нет для этого ресурса. Понятно, что бывают ситуации, когда надо встать и идти. Но при этом все равно важно сохранять вот это видение, важно сохранять память об этом принципе. Это все должно из меня идти, а не извне — в меня. Кем я хочу быть, как хочу поступать, какой смысл собственной жизни я сам создаю.

Смысл не создается чем-то внешним, он создается самим человеком. Тогда он соответствует тому «я», которое есть. Более

того, здесь прозвучало слово «любовь». Это очень важно. Но чтобы понять, что ты что-то или кого-то любишь, надо сохранять контакт с собственным «я», с собственной экзистенциальной инстанцией.

Иначе как понять, что ты любишь, кого ты любишь, чего ты хочешь, если ты не знаешь, кто ты сам такой, и определяешь себя через какие-то внешние финтифлюшки: если Марья Ивановна сегодня меня поругает — значит, моя жизнь напрасна.

— Но многие говорят о том, что потеряли всякий интерес к тому, что любили, потому что все обесценилось и обесмыслилось на фоне ежедневного страдания других людей. Какие могут быть цветы, когда люди гибнут, «как возможны стихи после Освенцима»? Или вот у Лидии Чуковской было стихотворение времен Великой Отечественной: «Ташкентские розы в кокетливо-хрупком снегу. / Минутной зимы ледяные блестят небылицы. / Но я на красивое больше смотреть не могу. / Кошунственна эта лазурь, лепестки и ресницы!» В самом деле, у людей появляется ощущение, что любовь и красота в этом мире вообще как-то кошунственны на фоне того, что происходит. Вот просто глаза б мои на все это не смотрели. Может быть, это депрессивное состояние или выгорание.

— Отчасти действительно, наверное, так говорит депрессия или выгорание. И люди действительно устали. Это все правда, и тогда надо с этим что-то делать: пойти к психиатру, получить рецепт, пить таблетки. Приводить себя в норму надо. Это тоже бывает трудно сделать, но надо все равно, потому что иначе — ну лечь и помереть только. Но бывает и другое: удовольствие от трагедии. Вот это бесконечное страдание, это бесконечное

моральное хождение по кругу. И мысль, что я не могу смотреть на прекрасное, когда такое творится, — она возмутительна.

Какого черта ты так смотришь на святое, на то, носителем чего ты можешь быть?! Когда вот это вот все творится, разве красивое и человеческое не становится еще более ценным?

— По сути, ты позволяешь убить в себе все то, ради чего человек и живет, так?

— Конечно. И опять же теряешь себя: ты это воспринимаешь как некий внешний смысл собственной жизни. А черта с два: без любви слова — лишь медь звенящая, помните?

Фото: Иван Водопьянов / Коммерсантъ

— Конечно.

— В эти-то смутные времена, в этом ужасе, в этом

непостоянстве, в трагедиях вообще-то всегда проходила человеческая жизнь. Именно это — статистическая норма, а не те несколько десятилетий спокойной жизни, которые выпали на нашу долю. И в этом смысле вот как раз это сохранение в себе прекрасного, это сохранение в себе человеческого, эта способность испытывать и приносить радость и что-то хорошее — это и есть главное служение в такие времена. И главная борьба здесь идет в моем собственном «я»: мы начинаем бороться с мировым злом с попытки победить мировую ненависть и мировое безобразие внутри собственного существования в первую очередь. А где же еще мир совершенствовать!

Если почитать, например, книги людей, прошедших через ужасное — через концлагерь, например, или через ГУЛАГ, — то становится ясно, что шансов выжить было больше у тех, кто в себе сохранял представление о том, что его жизнь имеет смысл независимо ни от чего, что он будет собой в любой ситуации.

— Вы не заставите меня озвереть...

— И озвереть, и опуститься, и забыть себя. Можно много что с человеком сделать, но вот это все-таки остается в нашей сфере контроля. И вот это, мне кажется, и есть тот путь, которым можно идти.

Что бы ни случилось, всегда есть люди вокруг, есть дети, о которых можно позаботиться, есть что отремонтировать и поправить. Важно помнить, кто ты, и не ждать, что какой-то смысл придет извне, а создавать его самому.

— Мне на днях попала запись в соцсети какой-то

американки, где та жалуется: мол, я ходила на все митинги Black Lives Matter и No Kings, протестовала против Трампа, а делается все хуже, и я вот теперь понимаю, что что бы я ни делала, от меня ничего не зависит, жизнь рухнула, представления о демократии зашли в тупик. А русскоязычные цинично смеются и говорят «добро пожаловать в наш клуб». И в самом деле: смех смехом, а все мы в одной лодке. Просто человек только что обнаружил свою беспомощность, а мы давно в ней пребываем. Но это ощущение очень мешает жить. Есть ли философски грамотные способы с ним справляться?

— Конечно. Во-первых, не надо ожидать, что ты будешь что-то контролировать там, где ты априори этого не можешь. Ты можешь выходить на митинги там против Трампа, как эта американка, например.

Каждый человек может в США это сделать. Но довольно глупо было ожидать, что если он выходит, то это обязательно закончится успехом, потому что вообще это не гарантировано. Другое дело, если бы она думала: «Я выхожу на митинги против Трампа не для того, чтобы это потом ретроспективно оказалось осмысленной деятельностью по результату, а для того, чтобы выразить себя сейчас: вот я сейчас не согласна с этим». И тогда это не лишено смысла: я это делаю, потому что это я. И тогда не в чем разочаровываться: я тоже выходил в свое время на какие-то протестные митинги, писал протестные посты, выступал против войны, но это не закончилось, как легко догадаться, успехом. Но жалею ли я об этом, считаю ли я, что это бессмысленно? Нет, не считаю, потому что я это делал как выражение собственного «я». Я таким образом создавал свое «я», выражал его, осуществлял его в бытии. Это я был против всего этого.

— Кажется, Пушкин тут был прав: «Ты сам свой высший суд», «Дорогою свободной иди, куда влечет тебя свободный ум...»

— Конечно. А как же иначе? Ну вот, предположим, я бы сейчас страдал, что все мои действия были бессмысленными, потому что протесты в России в итоге не победили. Какой бы смысл я мог создать в своем «я» из этого? Никакого. Только разочарование и представление о том, что все это бесполезно и бессмысленно. Это было бы непродуктивно, а главное — это не рефлексивно. Если человек сам на протесты выходит в рамках проекта будущего — такого, которое потом этот выход только и сделает осмысленным, — то он уже себя потерял. Какой смысл тогда? Сиди на диване — то же самое будет.

— Недавно один православный священник, который был вынужден из-за своей позиции уехать за границу, когда его спросил интервьюер, каким он видит свое будущее, сказал что-то вроде: «Я вопрос будущего для себя закрыл, нет никакого будущего, я живу сегодняшним днем и о будущем не размышляю». Я думаю, что для верующего человека понятно: будущее такое, какое тебе определит Господь. Но человеку светскому, обычному жить в состоянии полной неопределенности невыносимо. Сколько раз слышала в последние годы: «У нас сейчас горизонт планирования — два дня». Насколько это нормально для человека — жить в мире без будущего?

— Мне кажется, что его слова, может быть, стоит понять иначе. Он действительно живет здесь и сейчас — и в этом смысле не имеет проекта будущего. Как человек, который наверняка читал Августина, он это, я думаю, прекрасно понимает. И в этом смысле его высказывание — не метафизическое, про то, что Господь сам все определит, — я бы скорее интерпретировал его в том ключе, в котором мы сегодня это все обсуждаем: «Я про будущее не думаю, я здесь сейчас что-то делаю — то, что могу, то, что придает смысл моей жизни сейчас, а не исходя из какого-то возможного проекта будущего». И вот он несет свою службу сейчас, делает все, что считает правильным, и реализует свое представление о достойной жизни, о том, что он

должен делать, — и этого достаточно. А почему нет? А то все пытаются пробросить в будущее, оправдать каким-то будущим. А зачем?

Фото: Антон Новодерёжкин / Коммерсантъ

— Так это привычный паттерн мышления: или ты тут живешь ради Царствия Небесного, ради будущей жизни, или, в коммунистической идеологии — ты живешь ради будущего, для будущих поколений. И даже в простой человеческой жизни — ты живешь, условно говоря, ради лучшего будущего твоих детей.

— Смотрите, это ведь тоже ловушка. И с ней пытались очень давно работать еще церковные мистики. Они говорили, что спасение достигается не за счет того, что ты ради спасения что-то делаешь, а за счет того, что ты делаешь что-то, чтобы изменить себя, чтобы стать кем-то самому, чтобы самому вырасти, выйти из полуживотного состояния. И в религиозном

смысле не достигнет спасения тот, кто все делает только ради спасения. Тот, кто сам не понимает вообще, кто он такой и как внутри себя быть кем-то. Раскаяние же — это что? Это же не просто повиниться и сказать: я виноват, я больше не буду, простите меня.

— **Это метанойя, перемена души.**

— Конечно. Вот где ответ-то на этот вопрос. Не получится ничего вовне найти, потому что в этом мире нет тех смыслов, которые мы ищем. Смыслы только наши могут быть.

— **А насколько образ будущего важен для общества? Сейчас часто приходится слышать, что у российского общества нет образа будущего, что государство его не может предложить. Но оно в самом деле может предложить только образ прошлого.**

— Наверное, это важно для большинства людей — чтобы им была представлена картинка какого-то светлого будущего: рая, коммунизма, еще чего-нибудь... Но я бы скорее думал о том, что я же знаю сам, что такое хорошо и что такое плохо с моей точки зрения, и я эту нормальность могу реализовывать в бытии. И если я буду ее реализовывать, то я не отвечаю за весь мир, это вне сферы моего контроля. Но там, где я отвечаю за что-то, там все будет нормально. Там все будет идти в сторону хорошего (по возможности), а не плохого.

— **Мое любимое с детства место в «Алых парусах» — это где маленький Артур Грэй замазал на старинной картине краской гвозди, воткнутые в руки и ноги Христа. А когда отец его спросил, зачем он испортил ценную картину, ответил: «Я не могу допустить, чтобы при мне торчали гвозди и текла кровь».**

— Вот да. Но надо избегать гиперответственности и не проваливаться в задачи спасения мира. Ну ты не Бэтмен. Ты не принимаешь решения о судьбах континентов, ты не отвечаешь за этот мир. Ты можешь отвечать только за то, что в сфере твоего контроля.

Вот отвечай там. И просто делай это честно, исходя из собственных смыслов, собственного представления о норме. Исходя из того, как ты считаешь, этот мир должен быть устроен. Неси это как своего рода служение. Чини мир там, где можешь. А там, где не можешь, не требуй от себя.

— Тут и вокруг себя мир чинить — как носить воду решетом. Люди не первый год находятся в состоянии постоянного раздражения, все друг друга бесят. И понятно, что нынешний политический климат очень способствует агрессии. А с другой стороны, я не раз слышала от психологов, что совсем без агрессии нельзя: нет агрессии — нет витальности. У кого нет зубов, тот не выживает. Ты не можешь просто пойти и всех перемочить, кто бесит, да и нравственный закон внутри тебя тоже не велит. Как тут этично поступать со своей агрессией? Ну бесят же?

— Ну, во-первых, наши чувства, эмоции — это индикаторы. Если я испытываю агрессию, это что-то значит. Как лампочка на приборной панели у автомобиля. Если она загорелась, что-то случилось. И как с этими сигналами — прежде чем принимать решения или совершать поступки под действием эмоций и чувств, желательно понять, про что это.

Если вы испытываете агрессию, то, прежде чем ее реализовать

или куда-то направить, поймите, что это значит. Откуда она взялась конкретно? Вот в вашем случае?

Фото: Надежда Буаллаг / Коммерсантъ

— Ну, к примеру, опять объявили «иноагентом» или экстремистом знакомого хорошего человека.

— А у другого, может быть, жемчуг мелкий. Поэтому тут важно прежде всего понять действительную причину: а что я этой агрессией сейчас делаю? Например, компенсирую свою беспомощность. Я к примеру говорю, не обязательно так. Поэтому, например, что можно сделать?

Можно вернуть себе контроль где-то. Не обязательно агрессию проявлять, можно бороться с этим отсутствием контроля в своей жизни. Как-то пытаться компенсировать свою беспомощность. Что-то сделать, помочь кому-то, потому что

вообще по большому счету агрессия — это же нерефлексивный способ реакции на раздражитель. Раздражитель-то где-то в другом месте, по другому поводу. А агрессия — это такой эмоциональный ответ чаще всего, если она не обусловлена враждебными действиями в отношении человека. Здоровая агрессия — это нормально.

Если на нас кто-то нападает, надо отвечать. Почему нет? Но когда агрессия возникает как вот такой вот красный сигнал, что где-то там что-то испортилось, что-то пошло не так, надо смотреть, что пошло не так. И уж точно — случайный человек, который нам попался по дороге, здесь ни при чем, он ни за что не отвечает в нашей жизни. Агрессия — это стандартный ответ людей на жизнь в таком обществе: с таким уровнем нормализации насилия, с таким уровнем страха и недоверия, с таким уровнем ощущения собственной беспомощности. Но вопрос именно в том, как вы сами способны понять себя, осознать, симптомом чего является агрессия, и работать с причиной.

— То есть, опять-таки, не можешь починить мироздание — иди почини то, что рядом?

— Оно так и работает, да. Я не могу вот просто взять и прекратить войну. Я бы хотел, конечно, но я не могу: это не моя сфера контроля. С одной стороны, вроде бы я должен испытывать беспомощность, но, с другой стороны, в мире есть множество вещей, которые от меня не зависят: движение планет, дрейф материков, погода...

— Ситуация в Иране...

— Ситуация в Иране, да. И даже то, что думает человек где-нибудь неподалеку. Это не моя сфера контроля, я не могу за это отвечать. И я могу испытывать бессилие от всего этого: мир не подчиняется моим требованиям. Но это нормальная ситуация.

И в этом как раз и состоит ответ. Я могу делать то, что в моей сфере контроля, и стараться делать это как можно лучше.

* Внесен властями РФ в реестр «иноагентов»